

КАФЕДРА

НГ Exlibris (прим. к Независимой, -2004. 1 апр. - с.3)

Метафизика добра

Заметки о Берестове

Григорий Кружков

1 апреля исполнилось бы 76 лет замечательному поэту и переводчику, прозаiku и мемуаристу, исследователю фольклора (и многое-многое другое!) Валентину Берестову (1928–1998), широко известному прежде всего благодаря своим детским стихам. Читайте в этот день заметки поэта, переводчика, эссеиста Григория Кружкова о своем друге. И подборку стихотворений самого Валентина Дмитриевича, ироничных и немного грустных, как все по-настоящему смешное.

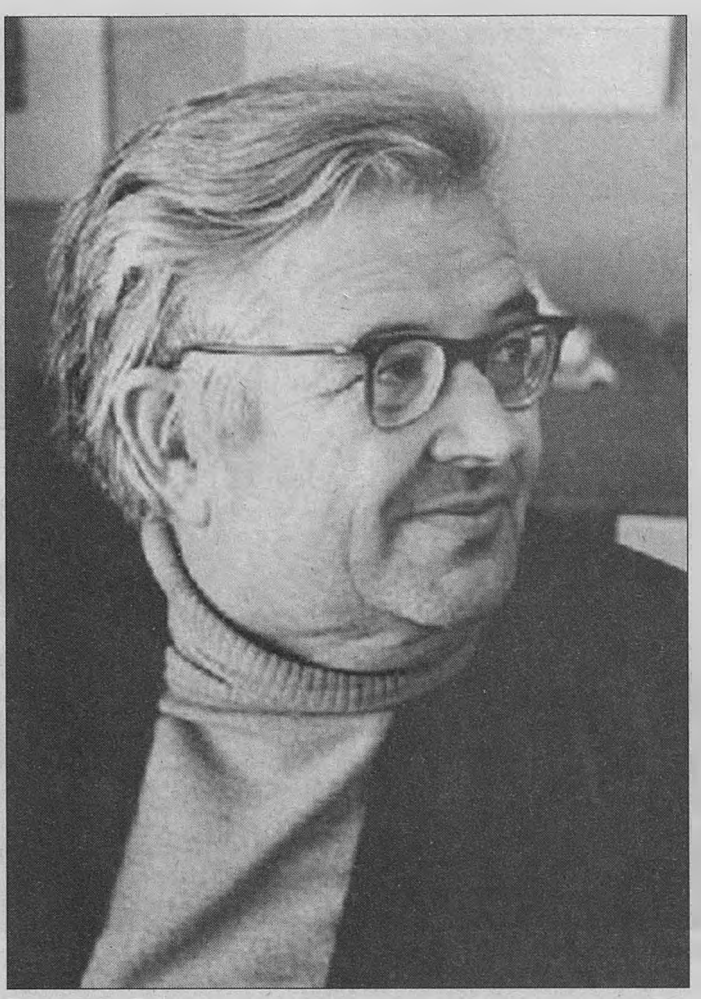
Валентин Берестов так объяснял эволюцию любовной лирики за последние двести лет. Сначала говорили: «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты». Потом наоборот: «Я помню чудное мгновенье, перед тобой явился я!» А теперь поэту вообще никто не нужен, он пишет: «Я помню чудное мгновенье: перед Собой явился Я».

В этой притче – ключ к пониманию стихов самого Берестова. Всякий эгоцентризм был для него неприемлем, в том числе поэтический. Но в том-то и беда, что без известного эгоцентризма – без всяких безумных страстей, стыдных тайн, грехов – поэзии, по крайней мере романтической поэзии, не бывает. А он был слишком сочувлив, слишком хорошо воспитан, чтобы предаваться крайностям, чтобы обнажаться-загораживать на людях. Что же ему оставалось, как не классицизм с его отодвинутым «эго», как не путь древних греков с их общественной, учительской нотой, гармонией «я» и «мы», мудростью и лаконичностью? Недаром античный жанр эпиграммы так процвел в стихах Берестова.

Берестов говорил, ссылаясь на Паскаля (я не проверял цитаты): «Будем мыслить логично: в этом основа всякой нравственности». Завет, который я навсегда запомнил и чту – в меру слабых сил. О религии мы с Валентином Дмитриевичем, сколько помню, никогда напрямую не говорили. Но всякий раз, проходя по касательной к этой теме, чувствовала, что понимаю дело примерно одинаково. Я убедился в этом, когда в двухтомнике, вы-

И эта любовь до конца твоих дней / Останется тайной опорой твоей

шедшем через несколько дней после его смерти, прочел отрывки из его старого дневника 1945 года: «Конец марта... Новодевичий... Небо в амбразурах, руины, сосульки. Дошечки, пущенные на дрова, дымки из труб, раскрытое окно, в нем военный в ушанке. На дверях у входа «Богословско-пастырские курсы». Рядом – «Красный уголок НДМ». Плита, надпись: «Аз есмь воскресение, веруяй в Меня аще и умрет – оживет и веруяй в меня не умрет вовеки». Памятники. Дети кидают в них снежками с крыш, глядяки, старушки стоят... Мысленно я отвечаю воображаемому старцу, верю ли я в Бога. «Не знаю. Верить в Бога надо, чтобы быть счастливым и хорошим. Я чувствую себя таким. Значит, я верю, верю в бесконечность, в то, что приходит весна, что есть счастье, богатство мира...» В этих строках шестнадцатилетнего Вали уже присутствует то самое целомудрие мысли, которому он, мне кажется, не изменил до конца своей жизни. Не знаю. Быть может. Я так чувствую.



Валентин Берестов в жизни...

3 В стихах Берестова есть метафизика добра – более глубокая, чем метафизика зла, и бесконечно более разнообразная. Один лишь раз, и то в начале детства, Мой дядя, тот, погибший на войне, К нам заезжал. Но до сих пор глядеться Могу в его глаза. Они во мне. Все остальное – облик и слова — Забыто. Но еще, припоминая, Была трава. Нездешняя трава. Высокая и тонкая. Лесная. Должно быть, в лес (он на краю земли Был для меня) занес меня мой дядя, И там мы на поляне прилегли, Счастливые, в глаза друг другу глядя. И я заметил нити на белках, И складки век, и редкие ресницы, И два зрачка, две точечки-зеницы В двух серых и лучащихся зрачках.

И то, как сам я отразился в них, И то, как их застала поволока И шевельнулись веки... Только миг меновенье ока. «Нездешняя трава» – это, конечно, воспоминание о рае. Детство – ангельское состояние, как и любовь – все равно двух взрослых или взрослого и ребенка. Взгляд любимого – окно, сквозь которые видны небеса и Бог. Но область лиризма в стихотворении выходит за рамки привычных в поэзии тем. Тут не традиционные «Он и Она» или «Мать и Дитя». Смотрят в глаза друг другу дядя-солдат, уходящий на войну, и остающийся жить мальчик. И между ними происходит то же самое безмолвное таинство – прощание, благословение. 4 Детство – ядро берестовской вселенной. И не только потому, что он прославился как детский поэт и замечательно умел общаться с детьми, с детской аудиторией. Он написал большую и замечательную работу «Ранняя любовь Пушкина», оттолкнувшись от легко-

мысленной фразы Юрия Лотмана о Пушкине как о «человеке без детства», который якобы «вычеркнул» этот период из своей жизни. В статье «Три эпохи развития человека», анализируя автобиографическую трилогию Льва Толстого, он пишет об этих трех возрастах

У каждого человека есть в жизни такая отцовская фигура вроде старого дуба, в чьей тени чувствуешь себя деревцем той же породы

взросления: мол, в детстве человеку свойственно любить и верить, в отрочестве – мыслить и философствовать, а в юности – наслаждаться жизнью и миром. Иначе говоря, в первом классе человек – романтик и влюбленный, в 10–12 лет он философ и ученый, а в 15 уже гедонист, гуляка праздный. Как нетривиально и как верно! Подходя ко всему историсофски, Берестов применял метафоры человеческих возрастов к миру в целом («нынешний мир – подросток, со всеми его пороками, в частности со склонностью подглядывать в щелку»), а развитие ребенка, наоборот, видел сквозь призму истории человечества («Легла на перекрестке / Таинственная грань. / Подросток шлет подростку / Воинственную брань»). Он понимал все возрасты; но по своему собственному складу был ближе к малышне. «Невинная веселость и беспредельная потребность любви» – таковы, по Толстому, характерные особенности детства и в то же самое время выросшие человеческие добродетели. Из стихов и из его собственных воспоминаний известно, что Берестов повезло. У него были любящие родители, добрые бабушки и дедушки. «Любили тебя без особых причин: / За то, что ты – внук, за то, что ты – сын, / За то, что малыш, / За то, что растешь, / За то, что на маму и папу похож. И эта любовь до конца твоих дней Останется тайной опорой твоей.

5 1 апреля 1998 года Валентин Берестов выступал на славянском факультете Колумбийского университета в Нью-Йорке. В свой день рождения (это еще и день рождения Корнея Чуковского, но об этом позже), в семидесятилетие. Он рассказы-

вал о «спрятанном стихотворении Пушкина» – одним из его последних стихотворений 1836 года, замаскированном под народную песню. Как за церковью за немецкою Добрый молодец Богу молится. Как не дай Боже хорошу жену, Хорошу жену в честной пир зовут, Меня молодца, не примолвили. Хорошу жену в новы саночки, Меня, молодца, на запяточках. Хорошу жену на широкий двор, Меня, молодца, за воротнички.

Догадку о том, что это не народная песня, а стихи самого Пушкина, высказал еще его первый биограф поэт Анненков 150 лет назад, но доказал это – всесторонне и убедительно – Берестов. Первым делом, с чего бы это в Михайловском или на ярмарке в Святых Горах стали петь песню о «немецкой» (иноверческой) церкви? А Пушкин жил в Петербурге на Мойке именно за «немецкой», то есть лютеранской, церковью. И так далее и тому подобное – целая цепь логичных доказательств. Профессор Борис Гаспаров, лингвист и литературовед тартуской школы, по характеру скорее скептик, чем левовер, после лекции сказал: «Вы меня абсолютно убедили». Как убедил Берестов в свое время Сергея Бонди и ряд других видных пушкинистов. То, что

стихотворение «Как за церковью за немецкою» до сих пор отсутствует в собраниях пушкинских сочинений среди стихов 1836 года, обедняет его поэтическую лирику и, мне кажется, объяснимо лишь косностью редакторов, которые считают факт введенным в научный оборот, только лишь когда он: 1) изложен скучным научным языком, 2) держателем ученой степени, 3) в малотиражном научном журнале. Ни по одному из этих трех критериев Берестов «не проходит». Особенно – по критерию скучности. Колумбийские аспиранты слушали его раскрыв рот, а после лекции говорили: «Мы в первый раз поняли, каким интересным делом (т.е. литературоведением. – Авт.) занимаемся!» Лекция началась совсем не академично. На стол был водружен магнитофон, и голос докладчика зачитательно исполнил цыганскую песню: Берестов гордился своим прорезавшимся на седьмом десятке талантом шансонье, которым он уже успел блеснуть в передаче «В нашу гавань заходили корабли». Эпилогом к лекции тоже была песня – собственная берестовская песня про эвакуацию, вокзальный кипляток, военные эшелоны, идущие на запад: «С милым домом разлученные...». Он умер через две недели после своего возвращения из Америки. Ни там, ни здесь не берегся – выступал, ездил, поспевал всюду по первому зову, несмотря на давнюю болезнь сердца. Не жаловался никогда. Вообще мужественно относился к болезням, по-солдатски.

6 Пушкин тоже начинал с классицизма. В лицее он подражал французам, напавшая на себя напудренный парик старика: «Уж я не тот любовник страстный, / Кому дивился

прежде свет: / Моя весна и лето красно / Навек прошли...» Берестов иногда представлялся мне таким же мудрым маленьким старичком в лицейской форме. И иногда наоборот – добродушным аббатом в широкой рясе, никогда не теряющим бодрости и веселого расположения духа. У каждого человека есть в жизни такая отцовская фигура вроде старого дуба, в чьей тени чувствуешь себя деревцем той же породы (редко это бывает родной отец). Валентин Берестов был для меня таким «патриархом лесов». Его еще отроческое знакомство с Ахматовой и Пастернаком, дружба с Чуковским и Маршаком усугубляли это ощущение укорененности и раскидистости. Даже тогда, когда он, бывало, читал мне свое новое стихотворение и я четко понимал, что это, увы, не первый класс, мое безграничное уважение несколько не страдало (я сам страдал за него, но это другое дело, и любви не помеха).

Однажды в конце длинного телефонного разговора он предложил мне перейти на «ты» и по имени. К тому времени нашему знакомству было уже лет пятнадцать, и разница в возрасте сгладилась. Я стал звать его Вали, но на «ты» перейти не решился. Глупая щепетильность, непростительная! Теперь-то, годы спустя, я это понимаю, сам побывав (и не раз) в сходной ситуации. И мне до сих пор стыдно.

Сказал. Забыл. Прошли года. И все ж Он колетса, проклятый этот еж! (В. Берестов) 7

Перечитываю воспоминания Берестова во втором томе его избранного – какие же они мудрые, добрые, талантливые! Впрочем, это едва ли не одно и то же. Начитавшись за последние годы всяческих мемуаров, я понял, что благодарность и есть главный талант мемуариста. Благодарность лучше помнит. Обида фантазирует, впадает в раж и плодит химеры. То же самое зависть и ревность. Мораль: если вы хотите знать правду, не читайте злых воспоминаний.

Тоскую по Берестову. Отсюда и эти куцые заметки в канун его дня рождения. Мне скажут: дата не круглая – 76 лет. И фигура не первой величины. Что ответить? Есть разные солнца в галактике, одни крупнее других в тысячи и миллионы раз. Но все они сделаны из одной лучистой смеси. Берестов для меня состоял и состоит из того же солнечного вещества, что и Пушкин. Я знаю, что так же чувствуют многие и многие, знавшие Валентина Дмитриевича.

Валентин Берестов БАБУШКА КАТЯ Вижу, бабушка Катя Стоит у кровати. Из деревни приехала Бабушка Катя. Маме узел с гостинцем Она подает. Мне тихонько Сушенную грушу свет. Приказала отцу моему, Как ребенку: «Ты уж, деточка, сам Распряги лошадедку». И с почтеньем спросила, Склонясь предо мной: «Не желаешь ли сказочку, Батюшка мой?» У АХМАТОВОЙ О счастье! – на рассвете юных дней Сменить Ахматову, смеяться вместе с ней! «Нет, совести не видно в вас ни капли, Ведь я Ахматова, не Чарли Чаплин. Прочтите обо мне в энциклопедии. Я склонна к пессимизму и трагедии». УРОК ЧУКОВСКОГО «Писать вы стали мелко, Поспешино, ловко, вяло. Поделка за подделкой, Безделка за безделкой.

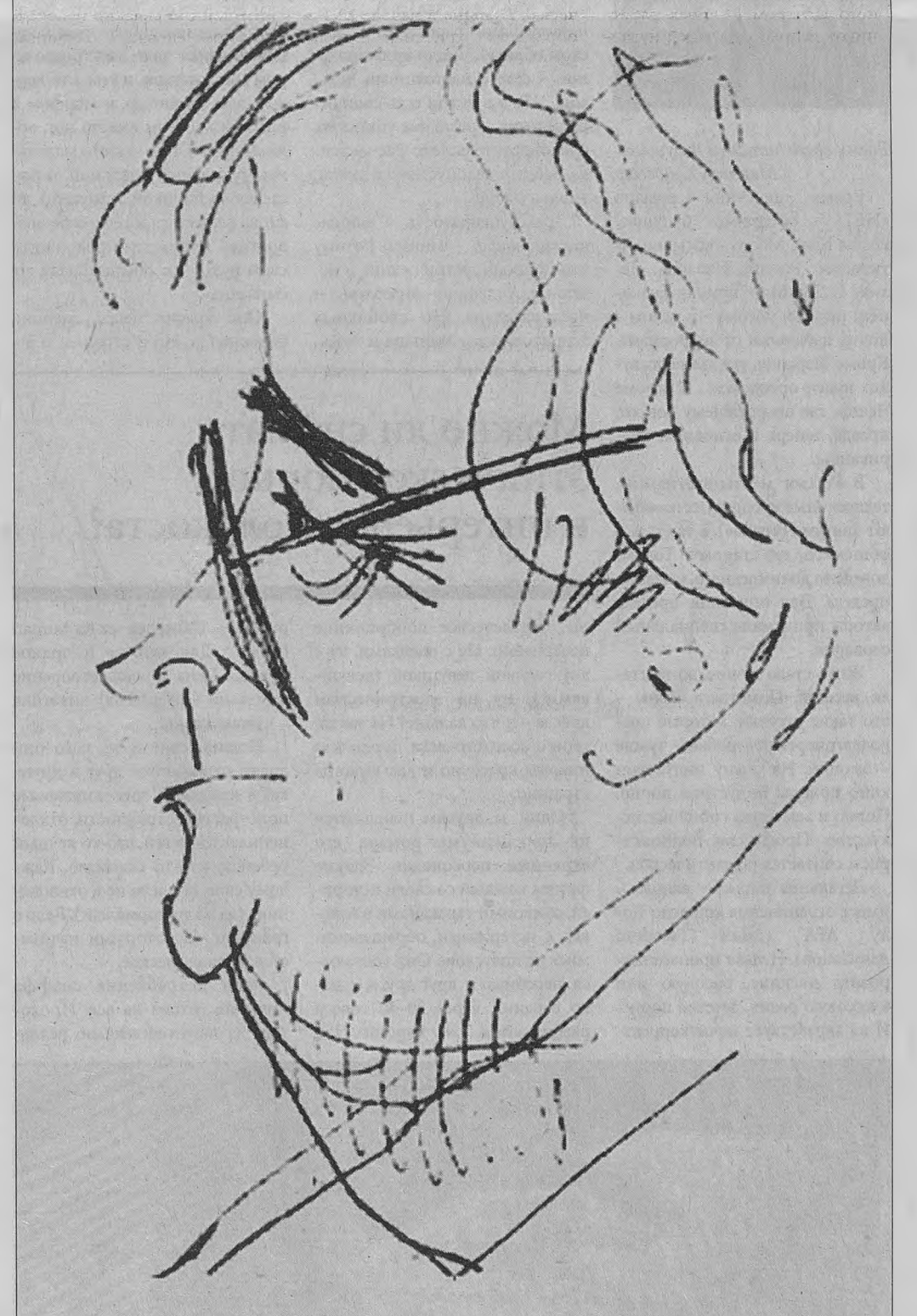
К чему крутиться белкой? Вам, видно, платят мало? Не вижу в этом смысла, – Сказал Чуковский. – Хватит. Пишите бескорыстно, За это больше платят!» НЕДЕЛЯ ДЕТСКОЙ КНИГИ Бологое... Бологое... На озерах синий лед. Вдоль по речке с остроугою Ходит мальчик, рыбу бьет. И с азартною ухмылкой Он пронзает рыбу ту Алюминиевою вилкой, Что привязана к шесту.

Берестов для меня состоял и состоит из того же солнечного вещества, что и Пушкин

До меня ль сейчас мальчишке? Встреч с поэтом он не ждет И на праздник детской книжки, К сожаленью, не придет. Рыб-то, рыб в воде холодной! Остальное – суэта. И душа его свободна, Потому что – занята. НЕМЕЦКИЙ Окно – «дас Fenster», стол – дер Тыш». Ты по-немецки говоришь. В Берлине или в Бремене

«Я стар одиннадцати лет, –Примерно так звучит ответ. ПОНИМАЮЩИЙ ВЗГЛЯД Взглянула и тут же она поняла: «Вот этого я б одурочить могла!» А он? Он был очень растроган и рад: «Какой у нее понимающий взгляд!» МОЛЧАНИЕ – ЗОЛОТО? Сидел смущенно в обществе лжецов. Молчал. Словечка вставить не пытался

И не заметил сам в конце концов, Как, не сказав ни слова, изолгался. ДРУЖКИ У них закон: услуга за услугу, Спасать друг друга, помогать друг другу. Как жаль, что это сукины сыны, А то их дружбе не было б цены. МИЛИТАРИСТ Что-то грустно. На сердце тоска.



...и на дружеском шарже Кира Булычева.

Должны вполне серьезно Мы вместо: «Сколько времени?» Спросить: «Как это поздно?» С заглавной буквы пишут там И Ложку и Картошку, Чем Уважение к Вещам Внушают понемножку. Вопроса: «Сколько тебе лет?» У немцев и австрийцев нет. Там задают для простоты Другой вопрос: «Как стар есть ты?»

Не вестить ль куда-нибудь войска? ДОГАДКА Зачем он сделал этак, а не так? Я размышлял и попадал впросак. Мол, странности. Мол, солнце не без пятен. Но чуть предположил, что он дурак, Весь смысл его деяний стал понятен. ПОУМНЕЛ «Я поумнел!» – ты пишешь. Наотрез

Отказываюсь верить в это чудо. Ведь возгласа: «Я совершенно трезв!» Из трезвых уст не слышали покуда. ЭРОТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО Они внушают нам ретиво Посредством кисти и пера, Кино- и фотообъектива, Что голь на выдумки хитра. РОСКОШЬ И НИЩЕТА – Живу я, денег не считая! «Я тоже». – Кто ты? – «Нищета я». СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА КОМПЬЮТЕРЕ Чтоб выжить в этой жизни,

Сумел один поэт, Осваивая бизнес, Сменить менталитет. Знакомый дистрибьютор, Как спонсор-меценат, Купил ему компьютер, И вот вам результат: «Вернувшись из поездки За тридевять земель, Шли менеджер и брокер И коккер-спаниель. Один узнал по факсу, Что баксы ждет второй, А третий встретил таксу И лаял, как герой. Кто строил новый имидж, Кто рейтинг поднимал, А некто веселился И хвостиком вилял. Тут дилер появился, Неведомо отшель, И вдруг в него вцепился Наш коккер-спаниель...» * * *

Вот двое влюбленных на лоне природы Читают стихи и жуют бутерброды. Две толстых вороны на ветках сухих Сидят и внимательно слушают их. Уходят... И вслед за четкою влюбленной На место свиданья слетают вороны, И крошки клюют на прищипанной траве, И долго стоят голова к голове. ■

Из архива Берестовского центра РГДБ